

А.А. Фокин*

**«ЭТО НЕ ТРЕБОВАНИЕ ЗАКОНА,
А СЛОЖИВШАЯСЯ ТРАДИЦИЯ»,
ИЛИ ПОЧЕМУ В СОВЕТСКОМ БЮЛЛЕТЕНЕ
БЫЛ ВСЕГО ОДИН КАНДИДАТ**doi:10.31518/2618-9100-2024-1-8
94(47).084.5

Выходные данные для цитирования:
Фокин А.А. «Это не требование закона, а сложившаяся традиция», или почему в советском бюллетене был всего один кандидат // Исторический курьер. 2024. № 1 (33). С. 130–138. URL: <http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-1-08.pdf>

A.A. Fokin*

**“THIS IS NOT A LEGAL REQUIREMENT,
BUT AN ESTABLISHED TRADITION,”
OR WHY THERE WAS ONLY ONE CANDIDATE
ON THE SOVIET BALLOT PAPER**

doi:10.31518/2618-9100-2024-1-8

How to cite:
Fokin A.A. “This is Not a Legal Requirement, but an Established Tradition,” or Why There was Only One Candidate on the Soviet Ballot Paper // Historical Courier, 2024, No. 1 (33), pp. 130–138. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-1-08.pdf>]

Abstract. The peculiarity of the late Soviet period lies in the transformation of the relationship between the institutions of power and various groups of the population. The institution of elections was one of the mechanisms of this “feedback”, which served to strengthen trust between the authorities and society. One of the hidden functions of the electoral process in the USSR was to maintain or strengthen trust in the existing system through repetitive rituals. The potential use of elections as a mechanism to “purge” the nomenklatura by relying on the vox populi may explain one aspect of the Soviet electoral process that perplexed Soviet citizens as well. There is a view in historiography that the potential possibility of holding alternative elections was already laid down by the Stalinist leadership for use in the course of mass political repression, but was not actually used. But the very wording with the requirement to leave one candidate on the ballot paper was retained. The Soviet leadership did not endeavour not only to correct this wording, but also to give a clear and precise explanation for the divergence of words and practice. Documents from the archives show that citizens regarded letters to the authorities as an effective way to communicate with them and an opportunity to solve their problems. The majority of the population actively participated in the ideological campaign, which called for the defence of Soviet norms and values. At the same time, their ideas about morality were often stricter than the official ones.

Keywords: elections, ballot, candidate, USSR, Soviets.

The article has been received by the editor on 24.09.2023. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. Особенность позднесоветского периода заключается в трансформации взаимоотношений институтов власти и различных групп населения. Институт выборов был одним из механизмов этой «обратной связи», который служил для укрепления доверия между властью и обществом. Одна из скрытых функций избирательного процесса в СССР заключалась в поддержании или укреплении доверия к существующей

* Александр Александрович Фокин, кандидат исторических наук, Первый Московский государственный медицинский университет им. И.М. Сеченова (Сеченовский Университет), Москва, Россия, e-mail: aafokin@yandex.ru

Aleksandr Aleksandrovich Fokin, Candidate of Historical Sciences, I.M. Sechenov First Moscow State Medical University (Sechenov University), Moscow, Russia, e-mail: aafokin@yandex.ru

системе через повторяющиеся ритуалы. Потенциальная возможность использования выборов как механизма «очищения» номенклатуры с опорой на vox populi может объяснить один аспект советского электорального процесса, который вводил в недоумение и советских граждан. В историографии существует точка зрения, что потенциальная возможность проведения альтернативных выборов была заложена еще сталинским руководством для использования в ходе массовых политических репрессий, но на деле не применялась. Но сама формулировка с требованием оставить одного кандидата в бюллетене сохранялась. Советское руководство не стремилось не только не исправлять эту формулировку, но и давать четкое и ясное объяснение расхождению слов и практики. Документы из архива свидетельствуют о том, что граждане рассматривали письма власти как эффективный способ общения с ней и возможность решить свои проблемы. Большинство населения активно участвовало в идеологической кампании, которая призывала защищать советские нормы и ценности. При этом их представления о морали часто были более строгими, чем официальные.

Ключевые слова: выборы, бюллетень, кандидат, СССР, Советы.

Статья поступила в редакцию 24.09.2023 г.

«Выборы в Советы будут проходить в обстановке большого политического и производственного подъема, вызванного решениями XX съезда партии. Дальнейшее развитие социалистического демократизма повысило активность трудящихся, усилило контроль масс за работой Советов, исполнительных комитетов и депутатов. В этих условиях можно ожидать, что критика органов государственной власти, наших работников в ходе выборов будет еще более острой, требовательность к депутатам повышенной, активность при обсуждении кандидатов в депутаты значительно возрастет. Надо, чтобы партийные органы, местные Советы и их работники правильно относились к критике масс и принимали меры по устранению недостатков в деятельности советских органов» – это фрагмент постановления ЦК КПСС «Об улучшении деятельности Советов депутатов трудящихся и усилении их связей с массами», принятого в 1957 г. и являющегося частью мероприятий послесталинского руководства поиска новых механизмов взаимодействия власти и различных групп населения.

Одним из основных механизмов, которые использовались для этой трансформации, была избирательная система. В СССР выборы были организованы с целью обеспечить согласованность с установленными законами и моральными нормами. Советские выборы не должны были быть конкурентными, ибо они, как особый политический ритуал, должны были устанавливать и подкреплять существующий порядок вещей, демонстрируя стабильность и предсказуемость результатов выборов. Выборы должны были, через кооптацию всего взрослого населения, показать прозрачность социальной структуры, что все советские граждане в один день совершают одинаковое действие. Важным элементом была подотчетность депутатов, которые не только должны были регулярно выступать с докладами о проделанной работе, но избиратели могли их отозвать в случае возникновения конфликтных ситуаций. Руководство партии признавало право избирателей на критику кандидатов, рассматривая это как средство развития социалистического общества, как отмечено в постановлении ЦК КПСС. Таким образом, советский гражданин ощущал свою сопричастность с политическим телом позднесоветской системы. Выборы выступали одним из механизмов формирования политической культуры доверия и эмпатии¹. Однако стоит признать, что советская

¹ Tikhomirov A. The Regime of Forced Trust: Making and Breaking Emotional Bonds between People and State in Soviet Russia, 1917–1941 // Slavonic and East European Review. Special Issue “Trust and Distrust in the USSR”. 2013. Vol. 91, No. 1. P. 78–118; Фокин А.А. «Коммунизм не за горами»: образы коммунистического будущего в власти и населения СССР в 1950–1970-х гг. М., 2017.

политическая система имела свои ограничения. Депутатам часто не хватало полной власти, чтобы выполнить свои обещания перед избирателями, и иногда их активность в советах сводилась лишь к иллюзии эффективности.

В то же время руководство партии признавало право избирателей на критику кандидатов и рассматривало ее как инструмент развития социалистического общества. Эти изменения в отношениях между властью и обществом в позднесоветском периоде способствовали увеличению доверия к советской системе и достижению общественной стабильности, как отмечает А. Юрчак² в своей книге, анализирующей последнее советское поколение. Аналогичные идеи высказывает Э. Кулевиг, который отмечает, что советское руководство придавало большое значение коммуникации между институтами власти и советским обществом³. Таким образом, в позднесоветский период произошли изменения в отношениях между властью и обществом, и выборы сыграли важную роль в укреплении доверия и учете индивидуальных настроений при принятии решений.

Для формирования режима эмпатии и доверия в позднесоветский период выборы используются как средство достижения различных целей. По мнению В.Дж. Патцельта⁴, эти цели включали легитимизацию власти, демонстрацию общественной поддержки, создание демократического фасада для манипулирования восприятием власти, искажение предпочтений для создания иллюзии широкой поддержки режима и улучшение распределения благ путем более убедительного обещания об их распределении.

Важным аспектом советской системы было формирование нового субъекта. В публицистических работах советского человека зачастую описывают как пассивного и лукавого, в рамках концепции *Ното soveticus*. При этом советская идеология всегда стремилась привить новому советскому человеку активную позицию. Например, стахановцы не должны были просто следовать нормам выработки по плану, а самостоятельно ломали плановые показатели. Участники движения рационализаторов и изобретателей не довольствовались теми технологиями, которые разрабатывались в советских НИИ, а самостоятельно совершенствовали различные аспекты производства. Советский человек нового типа не просто должен был выполнять план по месту своей работы, но он должен был принимать активное участие в жизни советского общества. Так, в «Моральном кодексе строителя коммунизма» отмечалось, что поколение, которому предстоит жить при коммунизме, должно быть нетерпимо к нарушению интересов общества. То есть каждый человек становится общественным контролером. Правильный советский человек не только хорошо трудится, он еще активно участвует в поддержании нормативного порядка. В этом требовании к строителю коммунизма легко увидеть проявление политики дисциплинирования, характерную для современных обществ⁵. Получается, что коллективное тело строителей коммунизма формирует своеобразный Паноптикум, который призван надзирать за советским обществом.

При этом активная социальная позиция не должна была противоречить официальной советской доктрине или выходить за ее рамки. Это можно обнаружить и в тексте постановления 1957 г., выше отмечалось, что в нем дает разрешение на критику местных органов власти. При этом подчеркивалось, что враги советского строя могут использовать выборы для нанесения урона. Советская система допускала критику отдельных недостатков, но нельзя было масштабировать эти проблемы на всю советскую реальность. То есть во время выборов можно было сказать, что отдельный начальник плохо выполняет свои функции, но недопустимо было говорить, что все советские руководители неэффективны. Партийным органам предписывалось стоять на страже советской законности и пресекать «демагогическую» критику кандидатов в депутаты. В связи с этим показательно, что основная масса забаллотированных кандидатов была на уровне сельских советов, но на уровне Верховного Совета все кандидаты получали по 99 % голосов. Таким образом можно

² Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М., 2014.

³ Кулевиг Э. Народный протест в хрущевскую эпоху. Девять рассказов о неповиновении в СССР. М., 2009. С. 35.

⁴ Patzelt W.J. Elections in Modern Dictatorships: Some Analytical Considerations // Voting for Hitler and Stalin: Elections Under 20th Century Dictatorships. Campus Verlag, 2011. P. 126–145.

⁵ Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М., 1999.

увидеть, что существуют определенные границы допустимого в допустимой критике. Это хорошо укладывается в модель борьбы с отдельными недостатками. На дискурсивном уровне советская система всегда выступала против «лакирования действительности», т.е. каждое произведение искусства должно было содержать некий конфликт.

Показательно, что в 1956 г. выходит очерк Валентина Овечкина «Трудная весна», где партийный секретарь Мартынов из-за травмы не может лично осуществлять руководство районом, а в его отсутствие проводится партийное собрание, на котором инициируется очищение районной партийной организации от бюрократов. Получается, что воля народа столкнулась с партийной дисциплиной и нормами. В итоге герой, лежа на больничной койке, ведет внутренний диалог: «Инициатива и дисциплина. Самостоятельность и подчинение приказам сверху. Как это совместить? Где тут “дозволенные пределы”, где грань, за которую нельзя переступить, чтоб не получилось вообще анархии? Не знаю, пока не совсем ясно. А ясно ли это тем товарищам, которые так часто стали упоминать сейчас слово “инициатива” во всех газетных передовицах?»⁶. Советская система никогда не отрицала наличие «плохих» бюрократов, и всегда декларировалось, что надо давать им бой и помогать советскому строю очищаться от такого руководства, но в произведении Овечкина эта борьба происходит с нарушением правил игры, в конкретном случае – с нарушением устава партии. Хотя при этом Долгушин в своем решении опирался именно на волю народа, за исключение бюрократов голосовали не только члены партийной ячейки колхоза, но и беспартийные работники. Хотя в очерке описываются не выборы в Совет, а партийное собрание, но все равно показывается именно реализация принципов советской демократии. В связи с этим можно вспомнить, что знаменитое «Ленинградское дело», которое закончилось отставками и расстрелами партийных руководителей высшего звена, началось с фальсификаций на VIII Ленинградской городской объединенной партийной конференции. При голосовании ряд коммунистов проголосовал против руководства Ленинградского обкома и горкома, но при подсчете голосов было отмечено, что проголосовали единогласно⁷. В результате разбирательства виновными были признаны не те, кто голосовал против, а те, кто подделывал избирательные бюллетени.

Потенциальную возможность использования выборов как механизма «очищения» номенклатуры с опорой на *vox populi* может объяснить один аспект советского электорального процесса, который вводил в недоумение и советских граждан, и современных исследователей. Как известно, в 1936 г. принимается Конституция СССР, по которой, согласно статье 135, выборы в СССР становятся всеобщими. Новая Конституция отменяла статус «лишенцев» и уже не учитывала социальное происхождение при голосовании. Только признание человека умалишенным могло лишить его права участвовать в выборах. В 1937 г., когда проходили первые выборы в Верховный Совет, Иосиф Сталин, отвечая на вопросы американского журналиста, прокомментировал суть новой избирательной системы: «Вам кажется, что не будет избирательной борьбы. Но она будет, и я предвижу весьма оживленную избирательную борьбу. У нас немало учреждений, которые работают плохо. Бывает, что тот или иной местный орган власти не умеет удовлетворить те или иные из многосторонних и все возрастающих потребностей трудящихся города и деревни. Построил ли ты или не построил хорошую школу? Улучшил ли ты жилищные условия? Не бюрократ ли ты? Помог ли ты сделать наш труд более эффективным, нашу жизнь более культурной? Таковы будут критерии, с которыми миллионы избирателей будут подходить к кандидатам, отбрасывая негодных, вычеркивая их из списков, выдвигая лучших и выставляя их кандидатуры. Да, избирательная борьба будет оживленной, она будет протекать вокруг множества острейших вопросов, главным образом вопросов практических, имеющих первостепенное значение для народа. Наша новая избирательная система подтянет все учреждения и организации, заставит их улучшить свою работу. Всеобщие, равные, прямые и тайные выборы

⁶ Овечкин В. Трудная весна // Новый мир. 1956. № 7. С. 124.

⁷ Болдовский К.А. Падение «блокадных секретарей». Партаппарат Ленинграда до и после «ленинградского дела». СПб., 2018.

в СССР будут хлыстом в руках населения против плохо работающих органов власти»⁸. Именно критический потенциал и активную позицию избирателей подчеркивает товарищ Сталин, показывая, как выборы могут быть репрессивным механизмом. Зарубежные исследователи обращают внимание на связь выборов 1937 г. с новой волной политического террора⁹. Они отмечают, что местное руководство было напугано идеей Москвы устроить конкурентные выборы, что в условиях политических репрессий еще больше усиливало опасность нахождения у власти. Если представить себе гипотетические альтернативные выборы в 1937 г., то проигравший или даже не набравший значительного количества голосов руководитель становился легкой целью для обвинений в отсутствие поддержки среди народных масс.

С 1937 г. в бюллетене появляется сакраментальная фраза «Оставьте в избирательном бюллетене фамилию ОДНОГО кандидата, за которого вы голосуете, остальных вычеркните». К сожалению, архивы не содержат примеров официального внесения в бюллетень нескольких кандидатов и нет возможности доказать использования этой юридической нормы. То есть сама возможность альтернативности в советской электоральной практике предполагалась, но не реализовывалась. В 1958 г. в Центральную избирательную комиссию обратился журналист из ФРГ. Поводом стала публикация в советской прессе образцов бюллетеней с фразой про вычеркивание остальных кандидатов. Немецкий журналист хотел выяснить у советских чиновников – будут ли выборы альтернативными¹⁰. Представители ЦИК в ответном письме отмечали, что эта инструкция нужна, если в ходе избирательной кампании будут выдвинуто несколько кандидатов, поскольку советское законодательство предусматривает и такой вариант. Но советская практика показывает, что различные организации решают выдвигать единого кандидата и договариваются заранее¹¹. Поэтому фактически выборы происходят до самих выборов.

Видимо, такие вопросы были не редкостью, и в крайне интересной книге «СССР. 100 вопросов и ответов», которая предназначалась для иностранных граждан, есть такой фрагмент: «Вопрос: Прошу пояснить, почему на выборах в Советы у вас выставляется только один кандидат? Ответ: Это не требование закона (он не ограничивает числа баллотирующихся кандидатов), а сложившаяся традиция»¹². Таким образом, безальтернативность советских выборов в официальном дискурсе обосновывалась просто стечением исторических обстоятельств. Это показывает, что фактически до самого своего конца советская система не могла сформулировать адекватный ответ на этот вопрос, а в более ранний период в принципе не существовало официальной позиции.

В записке заведующего Секретариатом Центральной избирательной комиссии Петра Туманова в адрес Председателя Центральной комиссии Виктора Гришина отмечал, что в адрес ЦИК регулярно приходят письма о количестве кандидатов в бюллетенях. Основной причиной вопроса является формулировка «Оставьте в избирательном бюллетене фамилию ОДНОГО кандидата, за которого ВЫ голосуете, остальных вычеркните». Петр Туманов предлагает не давать ответа от Центральной избирательной комиссии, а поручать давать разъяснения партийным инстанциям на местах. Как и в случае с ответом немецкому журналисту, предлагалось указывать, что советские граждане заранее выбирают наиболее достойных граждан для включения в избирательный бюллетень и таким образом отпадает необходимость в другом кандидате¹³. Возникает вопрос, почему советское руководство до выборов народных депутатов в 1989 г. сохраняло эту формулировку? На основе архивных

⁸ Сталин И.В. Беседа с председателем американского газетного объединения «Скриппс-Говард Ньюспейперс» господином Роем Говардом 1 марта 1936 года // Правда. 1936. 5 марта.

⁹ Getty J.A. Pre-election fever: The origins of the 1937 mass operations // Harris Anatomy. 2013. P. 216–235; Goldman W.Z. Terror and democracy in the age of Stalin: the social dynamics of repression. Cambridge University Press, 2007.

¹⁰ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-7522. Оп. 5. Д. 31. Л. 4.

¹¹ Там же. Л. 5.

¹² СССР. 100 вопросов и ответов. М., 1978. С. 17.

¹³ ГАРФ. Ф. Р-7522 Оп. 5. Д. 36. Л. 83–84.

и опубликованных документов можно сделать предположение, что советская система стремилась сохранить противостояние между социалистической (подлинной) и буржуазной (фальшивой) демократией, которое возникает еще в трудах классиков марксизма-ленинизма. Идея подлинного народовластия являлась одним из краеугольных камней советской идеологии, а воля народа проявляется через выборы. Советское законодательство давало возможность уходить от обвинений в диктатуре партии. Особенно важно это становится в 1960-х гг., когда социализм и капитализм начинают соревноваться за страны, обретшие независимость, и советская демократия становится своеобразным экспортным товаром¹⁴.

Но отсутствие четкой и ясной позиции, озвученной публично, не удовлетворяло население внутри СССР. Например, в 1962 г. в адрес Центральной избирательной комиссии поступило письмо от секретаря Исполкома Кировского Райсовета депутатов трудящихся Свердловска Р. Торощина: «Учитывая, что в бюллетенях по выборам во все звенья Советов всегда бывает указан один кандидат в депутаты, просим сообщить, как правильно давать объяснения, если будут задавать вопросы по поводу надписи в заголовке бюллетеня: “Оставьте в избирательном бюллетене фамилии одного кандидата, за которого вы голосуете, остальных вычеркните”. В прошлые выборы в Верховный Совет СССР по содержанию вышеуказанного текста в бюллетене задавалась масса вопросов, в основном со стороны агитаторов, и ответы они получали самые разноречивые»¹⁵. Другой пример можно найти в письме председателя Участковой избирательной комиссии, члена КПСС с 1944 г. А. Остроухова: «Избиратели прямо задают вопрос: выборы – это мы должны из нескольких кандидатов выбрать одного достойного, остальных вычеркнуть, но таких условий нет, выбирать не из кого. Внесен только один кандидат. Выборы они считают ненужной формалистикой, на которую приходится расходовать средства и тратить много времени и труда. Со своей стороны я считаю: в избирательном бюллетене надо вносить не менее двух кандидатов на одно место. Пусть каждый из них старается работать лучше другого, чтобы не быть забаллотированным. Это, по моему мнению, будут действительно самые демократичные выборы в мире. Особенно при выборах в местные Советы»¹⁶.

М. Горячих, член КПСС с 1924 г., в 1966 г. пишет: «В Программе КПСС и в решениях XX–XXIII съездов КПСС ясно говорится о дальнейшем расширении и совершенствовании социалистической демократии, а ее-то необходимо строго соблюдать, чтобы у нас партийные, советские и все другие органы и организации были действительно демократические выборы, а не выборы без выбора. Не понимаю, для кого и для чего надо было писать на избирательных бюллетенях по выборам в ВС СССР того, что нет в действительности, а именно: “Оставьте в избирательном бюллетене фамилию одного кандидата, за которого вы голосуете, остальных вычеркните”. Факт, что в бюллетене только одна фамилия кандидата и некого вычеркивать. Кстати скажу, что пишу об этом извращении избирательного закона куда следует с 1954 г., а все так же, а почему? Доколе же эта фактическая компрометация всей нашей системы выборов будет продолжаться? Ведь это на пользу только врагам внешним и внутренним – бюрократии и антидемократизму, политическим слепцам и дуракам»¹⁷. В этих письмах виден когнитивный диссонанс советских граждан в силу расхождения текста в бюллетене и избирательной практики.

Важно сделать одно замечание: несмотря на то, что приведенные фрагменты из писем довольно яркие и позволяют увидеть интересные аспекты функционирования советской системы, это единичные примеры. В целом в адрес Центральной избирательной комиссии и других органов власти во время проведения выборов поступало не очень много писем. В среднем за избирательную кампанию поступало около 4000–5000 писем, причем большинство из них было посвящено жилищным и материально-бытовым вопросам. То есть из сотен миллионов избирателей в прямую коммуникацию с властью вступало достаточно

¹⁴ Фокин А.А. «Автоматика нам не подходит»: выборы как элемент противостояния между социализмом и капитализмом в эпоху «холодной войны» // Исторический курьер. 2022. № 6 (26). С. 146–153.

¹⁵ ГАРФ. Ф. Р-7522. Оп. 6. Д. 28. Л. 5.

¹⁶ Там же. Оп. 7. Д. 23. Л. 55.

¹⁷ Там же. Л. 18.

много, но основным каналом были встречи с избирателями и наказания избирателей, в которых люди обычно просили решить локальные проблемы, вроде строительства дороги или социального объекта. Тех, кто готов был облечь свои мысли в письменный текст, было гораздо меньше, и единицы ставили общественно-политические вопросы в своих письмах. При этом эти люди не имеют каких-то особых характеристик, что сразу выделяло бы их на общем фоне. Можно сделать предположение, что хотя мысли в письмах встречаются нечасто, среди части населения они были распространены, так сказать, разлиты, но в каких-то случаях происходило сгущение смыслов, и то, что обсуждалось в курилках, на кухнях и в очередях, периодически фиксировалось на бумаге.

На мой взгляд, для советского общества в значительной степени было характерно явление, которое можно обозначить как текстоцентризм, т.е. когда тексты, особенно в рамках авторитетного дискурса, трактуются буквально. Тут можно вспомнить, что политическое диссидентство позднего СССР зачастую начиналось именно с требования к власти выполнять те законы, которые действовали в стране. В 1965 г. состоялся «Митинг гласности», одним из лозунгов которого было «Уважайте Советскую Конституцию». В одном из писем можно увидеть пример такого текстоцентризма, неизвестный автор пишет: «Все на выборы в Верховный Совет СССР – 16 июня 1974 года! Негоже выбирать, когда в бюллетене одна кандидатура, а там сказано – всех зачеркни, одного оставь. Кого зачеркивать? Таким образом, не выбор, а голосование за выдвиженцев, но ни в коем случае не выбор. Поэтому следовало узаконить такую практику, чтобы не выборы, а голосования. Это было бы по-ленински чистосердечно»¹⁸. Важно, что автор начинает свое письмо с использования фразы, которая повторяет официальные агитационные лозунги, тем самым автор вступает в резонанс с авторитетным дискурсом, далее он высказывает свою претензию к существующей практике, но его, в отличие от ряда других авторов писем, не смущает отсутствие других кандидатов в бюллетене, для него проблемой является семантическое несоответствие. То есть не надо менять избирательную систему, надо просто поменять термины, провести «исправление имен», и в таком случае все станет на свои места, придет в соответствие с ленинскими принципами, т.е. подлинным социализмом.

При этом важно отметить, что авторы приведенных писем не находятся в оппозиции к советской системе, как это было у политических диссидентов, а наоборот, в разных статусах включены в нее. То есть критика безальтернативности выборов не предполагает общих антисоветских взглядов. Наоборот, риторически они выстраивают свои обращения через заботу о сохранении и совершенствовании советского строя. В определенной степени это соотносится с идеей «говорить по-большевистски», которую применительно к сталинскому обществу выдвинул Стивен Коткин¹⁹, но в данных примерах есть особенность, что использование официального политического языка не преследует прагматических целей. Если большинство граждан, которые обращались к официальному общественно-политическому языку, стремились с помощью его убедить различные институты власти в своей правоте и получить важные материальные или символические ресурсы, то в борьбе за формулировки обнаруживается более сложная структура. Люди критикуют советскую власть за то, что она недостаточно советская, по их мнению. Если представители высших институтов власти хоть и понимали существование разрыва между словами и практикой, но не стремились его исправлять, то ряд советских граждан не хотели терпеть эту ситуацию и видели в этом одну из проблем реального социализма. Мощным толчком к этому, с одной стороны, явилась критика «культы личности» и идея возвращения к ленинским нормам социализма, а с другой, стремление развития активности масс, о чем писалось выше.

В заключение следует отметить сложный характер выборов в СССР. Их анализ невозможно свести к универсальной формулировке и показать, что это был массовый обмен или проявление подлинного народовластия. Советские выборы существенным образом отличаются от электорального процесса в рамках западной демократии. Значительная часть

¹⁸ ГАРФ. Ф. Р-7522. Оп. 9. Д. 24. Л. 86.

¹⁹ Kotkin S. *Magnetic Mountain: Stalinism as a civilization*. Univ. of California Press, 1997.

процесса протекала за пределами избирательного участка и для советских граждан была видна только верхушка «айсберга». При этом почти стопроцентные результаты кандидатов не должны вводить исследователей в заблуждение. Среди советских избирателей было много недовольных своим положением, и зачастую они использовали выборы для того, чтобы публично высказать то, о чем они обычно молчали. Значительная часть населения воспринимала выборы как «праздник», обращая внимание на пирожки, а не на кандидатов, за которых рутинно надо было опустить бюллетень в урну. Советские выборы диалектически стремились соединить демократические элементы с предсказуемостью и стабильностью. Можно выдвинуть предположение, что основную массу советских граждан такая модель устраивала, ибо позволяла не тратить внутренние ресурсы на политическую борьбу, а жить в понятном и предсказуемом обществе.

Анализ архивных материалов показывает, что письма во власть считались населением эффективным механизмом взаимодействия и возможностью решить свои проблемы. Население также активно участвовало в идеологической кампании, придерживаясь советской нормативности, хотя их моральные представления иногда были более строгими, чем официальный дискурс. Письма советских граждан во власть показывают наличие множественных позиций внутри советского общества. Нельзя говорить, что советское население мыслило универсальными категориями. Разномыслие было присуще позднесоветской ситуации. Когда исследователи выходят за рамки стандартной модели «советское/антисоветское», которая оставляет за пределами огромный пласт материала, то он может по-новому взглянуть на известные сюжеты. Советские граждане не были молчаливым большинством, они активно производили различные тексты, через которые можно услышать целый хор голосов из прошлого. Задача историка заключается не в том, чтобы уложить источники в прокрустово ложе схем, а в том, чтобы дать возможность людям из прошлого говорить с нами.

Литература

Болдовский К.А. Падение «блокадных секретарей». Партаппарат Ленинграда до и после «ленинградского дела». СПб.: Нестор-История, 2018. 310 с.

Кулевиц Э. Народный протест в хрущевскую эпоху. Девять рассказов о неповиновении в СССР. М.: АИРО-XXI, 2009. 208 с.

Фокин А.А. «Автоматика нам не подходит»: выборы как элемент противостояния между социализмом и капитализмом в эпоху «холодной войны» // Исторический курьер. 2022. № 6 (26). С. 146–153.

Фокин А.А. «Коммунизм не за горами»: образы коммунистического будущего у власти и населения СССР в 1950–1970-х гг. М.: РОССПЭН, 2017. 223 с.

Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 1999. 480 с.

Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М.: НЛО, 2014. 664 с.

Getty J. A. Pre-election Fever: The Origins of the 1937 Mass Operations // Harris Anatomy. 2013. P. 216–235.

Goldman W.Z. Terror and Democracy in the age of Stalin: The Social Dynamics of Repression. Cambridge University Press, 2007. 274 p.

Kotkin S. Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilization. Univ of California Press, 1997. 640 p.

Patzelt W.J. Elections in Modern Dictatorships: Some Analytical Considerations // Voting for Hitler and Stalin: Elections Under 20th Century Dictatorships. Campus Verlag, 2011. P. 126–145.

Tikhomirov A. The Regime of Forced Trust: Making and Breaking Emotional Bonds between People and State in Soviet Russia, 1917–1941 // Slavonic and East European Review. Special Issue “Trust and Distrust in the USSR”. 2013. Vol. 91, No. 1. P. 78–118.

References

Boldovskiy, K.A. (2018). *Padenie “blokadnykh sekretarey”*. *Partapparat Leningrada do i posle “leningradskogo dela”* [The Fall of the “Blockade Secretaries”. Partapparat Leningrad before and after the “Leningrad Affair”]. St. Petersburg, Nestor-Istoriya. 310 p.

Fokin, A.A. (2022). “Avtomatika nam ne podkhodit”: vybory kak element protivostoyaniya mezhdru sotsializmom i kapitalizmom v epokhu “kholodnoy voyny” [“Automation doesn’t Suit Us”: Elections as an Element of the Confrontation between Socialism and Capitalism in the Cold War Era]. In *Istoricheskiy kur’er*. No. 6 (26), pp. 146–153.

Fokin, A.A. (2017). “Kommunizm ne za gorami”: obrazy kommunisticheskogo budushchego u vlasti i naseleniya SSSR v 1950–1970-kh gg. [“Communism is Not Far Off”: Images of the Communist Future among the Authorities and the Population of the USSR in the 1950s–1970s]. Moscow, ROSSPEN. 223 p.

Fiko, M. (1977). *Nadzirat’ i nakazyvat’*: rozhdenie tyur’m [Distsipline and Punish: The Birth of the Prison]. Moscow, Ad Marginem. 365 p.

Getty, J.A. (2013). Pre-election Fever: The Origins of the 1937 Mass Operations. In *Harris Anatomy*, pp. 216–235.

Goldman, W.Z. (2007). *Terror and Democracy in the Age of Stalin: The Social Dynamics of Repression*. Cambridge University Press. 274 p.

Kotkin, S. (1997). *Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilization*. Univ. of California Press. 640 p.

Kulevig, E. (2009). *Narodnyy protest v khrushchevskuyu epokhu. Devyat’ rasskazov o nepovinoenii v SSSR* [People’s Protest in the Khrushchev Era. Nine Stories of Defiance in the USSR]. Moscow, AIRO-XXI. 208 p.

Patzelt, W.J. (2011). Elections in Modern Dictatorships: Some Analytical Considerations. In *Voting for Hitler and Stalin: Elections under 20th Century Dictatorships*. Campus Verlag, pp. 126–145.

Tikhomirov, A. (2013). The Regime of Forced Trust: Making and Breaking Emotional Bonds between People and State in Soviet Russia, 1917–1941. In *Slavonic and East European Review, Special Issue “Trust and Distrust in the USSR”*. Vol. 91, No. 1, pp. 78–118.

Yurchak, A. (2014). *Eto bylo navsegda, poka ne konchilos. Poslednee sovetskoe pokolenie* [Everything was Forever, Until it was no More: The Last Soviet Generation]. Princeton University Press. Moscow, NLO. 664 p.